

Лучшие романы
об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

Наемный
убийца

ЭКСМО

Гуров

Николай Леонов
Наемный убийца

«ЭКСМО»

1993

Леонов Н. И.

Наемный убийца / Н. И. Леонов — «Эксмо», 1993 — (Гуров)

Когда дело запутано, а преступник неуловим, успех расследования зависит только от Гурова. На этот раз ему поручают найти киллера, совершившего преступление в Западной Германии, а также распутать криминальный клубок, опутывающий серию убийств на даче у спикера российского парламента.

© Леонов Н. И., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов

Наемный убийца

Пролог

Вилла, по нашим, российским, представлениям, шикарная, а для европейца – нормальный дом, была расположена на окраине Мюнхена. Метров сорок аккуратно подстриженного газона отделяли розовое двухэтажное строение от ворот; струилось шоссе, стремительным потоком полированных лимузинов оно летело к городу. Эти сорок, максимум пятьдесят метров газона, на котором в шахматном порядке росли аккуратно подстриженные кусты и небольшие деревья, для опытного человека свидетельствовали, что хозяин – человек обеспеченный, но отнюдь не богатый; в последнем была уверена и жена хозяина дома, и, хотя прожила с мужем пять лет, женщина не подозревала, что он крупный рэкети́р и располагает очень большими деньгами.

Семья завтракала на веранде. Мужчина пил кофе, курил первую в этот день сигарету и просматривал газеты. Он не знал, что сигарета окажется в его жизни последней, а биржевые новости ему знать совершенно ни к чему.

Мальчик лишь полгода как научился говорить, отказывался пить сок и допытывался у матери, почему трава зеленая. Малыш никогда не узнает, почему трава зеленая, а небо голубое.

Убийца подошел к дому с черного хода, двигался неторопливо, уверенно, чувствовалось, что он знает расположение пристроек, где надо подняться по ступенькам, какую дверь открыть. Он поднялся на веранду не с лужайки, а вошел из дома, достал из-под полы длинного плаща автомат и увидел широко открытые глаза женщины.

Впоследствии полиция установила, что убийца выпустил более двадцати пуль калибра 5,6 мм. Хозяин и ребенок умерли мгновенно, женщина была жива. Ее доставили в госпиталь, но врачи считали, что положение женщины безнадежно.

Глава 1

Начало

Инспектор криминальной полиции Дитер Вольф был сердит, очень сердит. Высокий и широкоплечий голубоглазый блондин с твердым подбородком, полвека назад он мог бы красоваться на плакатах рейха и с огромным успехом выступать перед застывшими в немом восторге шеренгами гитлерюгенда. Потомственный полицейский, Дитер был человеком спокойным и уравновешенным, скорее мягким, чем жестким; как ни парадоксально, такие люди в полиции встречаются.

Инспектору уже исполнилось тридцать, но он был холост и жил в одном доме со своей матерью Анной, которая недавно отметила пятидесятилетие, но выглядела она на тридцать, и порой Дитера и Анну принимали за супругов или за брата и сестру. И взаимоотношения их были равноправными, лишь в редчайших случаях Анна одергивала сына, ставила его на место.

Сегодня был тот самый случай. Дитер расхаживал, можно сказать – метался, по своей комнате и непозволительно громко говорил:

– Русские – мое проклятье! Я их ненавижу! Учи русский язык! – Он посмотрел на портрет деда, человека неопределенного возраста, с тяжелым подбородком и бесстрастными глазами, безукоризненным пробором, усами, подстриженными уже на века. – Читай русскую литературу!

Он схватил со стола томик Чехова и запустил в стену. В этот момент терпение Анны, которая стояла в дверях и наблюдала за сыном, кончилось.

– Дитер, ты ведешь себя недостойно! – Жесткие морщины пролегли от уголков рта женщины, они если не состарили, то уж вернули ей действительный возраст. Анна это почувствовала, провела тонкими пальцами по лицу и, еще больше рассердившись, сказала: – Приведи себя в порядок, вымой руки и иди обедать. Я тебя жду.

Дитер услышал удаляющийся стук каблуков, вновь взглянул на портрет деда и на чистом русском языке сказал:

– Ну, извини!

Причиной столь необычного поведения инспектора Вольфа был его разговор с комиссаром, который состоялся днем.

Шеф Дитера, шестидесятилетний, по-юношески стройный комиссар, пригласил его в кабинет и первым делом справился о здоровье «прекрасной Анны». Так он называл мать инспектора. Начало не сулило ничего хорошего, а уж когда инспектор увидел, что комиссар оттягивает начало разговора, то окончательно понял – жди неприятностей. Начал комиссар издалека, что было ему совершенно несвойственно.

– Мы, немцы, люди дисциплинированные и законопослушные. Конечно, и у нас были, есть и будут преступники, такова природа человека.

Старик работал еще с дедом, а отца Дитера убили четверть века назад во время операции по захвату вооруженной банды, и комиссар, тогда лишь инспектор, тоже был тяжело ранен. Он не был сентиментален, даже от себя скрывал, что любит парня, а что давно и безнадежно влюблен в Анну, себе признавался, но никогда этого не показывал, в доме Вольфов практически не бывал. И все же, несмотря на свою сдержанность, даже сухость, комиссар, зная, какую пилюлю приготовил Дитеру, позволил себе сказать:

– Мой мальчик, ты человек способный, с тебя и спросить можно больше. – И он указал Дитеру на кресло и распорядился принести кофе.

«Меня отсылают в какую-то дыру начальником деревенских полисменов», – решил Дитер и продолжал внимательно и бесстрастно смотреть на шефа.

Комиссар выдержал паузу, пока помощник расставлял чашки с кофе, затем продолжил:

– К старости человек становится болтлив, я не исключение, скажу вещи общеизвестные, а уж тебе понятные досконально. Разрушение Стены, о чем мы мечтали десятилетиями, соединение с нашими восточными братьями, наплыв неквалифицированных рабочих, как немцев, так и других национальностей, вызвали вспышку преступности. Но наших сограждан нюансы не интересуют, люди платят налоги, содержат полицию, хотят жить спокойно.

«Значит, не в деревню, – понял Дитер. – Шеф обеспокоен расстрелом семьи на вилле. Но это дело округа, какое отношение это имеет ко мне?»

– Дитер, тебя зовут русским парнем. – Голос комиссара стал суше. – Ты, конечно, не виноват, но, как выражаются христиане, крест нести тебе. Получены агентурные данные, что семью Мюллеров уничтожил русский, и приехал он из России, и выполнял он задание русской группировки, контролирующей известные тебе районы города.

Дитер любил хорошую дорогую одежду, и сейчас на нем был мягкий твидовый пиджак, брюки в полоску, сверкающие черные туфли, под белоснежным воротничком рубашки клубный, безукоризненно завязанный галстук. Коллеги над инспектором подтрунивали, а на самом деле элементарно завидовали. В тридцать лет инспектор был холост, пользовался успехом у женщин. Главное же, мог появиться в любом обществе, и не только швейцары, но и великосветские дамы и господа не угадывали в нем полицейского.

Комиссар взглянул на элегантного инспектора и чуть было не вздохнул, за невольную слабость рассердился и продолжал:

– Дитер, вам надлежит внедриться в русскоязычную общину, установить убийцу и через него выйти на заправил русской банды. Они называют себя мафией; ерунда, русские страдают гигантоманией. Никакая они не мафия. Но нас не интересует, как они называются, мы должны установить ключевые фигуры, арестовать, передать в прокуратуру и затем в суд.

«Старик совсем сдал, – подумал Дитер. – Перешел со мной на «вы», приказывает сделать невозможное. Убийца приехал и уехал. Кого я должен установить? Через кого и на кого выходить? Сумасшедший дом, да и только».

– Ты почему не пьешь кофе, Дитер? – спросил неожиданно комиссар, не ожидая ответа, продолжал: – Тебя воспитал твой дед, когда-то я служил под его началом. Комиссар Вильгельм Вольф был умнее всех. Мы ненавидели и боялись русских, а он всегда повторял: «Только в союзе с русскими немцы обретут настоящую силу и прочный мир в Европе». И он все предвидел, сегодня нет Стены, танки уходят, а русские предприниматели приходят.

«Боже мой, когда же это кончится! – Дитер пригубил жидкий, уже остывший кофе. – Чего старик добивается? Он умен, знает, что я не глуп и не поверю, что в Мюнхене можно найти убийцу, прибывшего из России».

Комиссар перестал расхаживать вдоль окна, опустился в кресло, попробовал кофе, брезгливо отставил чашку.

– Бережливость помогла немцам встать на ноги. Но черт побери! Комиссар криминальной полиции имеет право не пить помой? – И вызвал помощника. Когда тот появился, указал на чашки и спокойно, словно не он только что чертыхался, сказал: – Спасибо, Генрих, уберите, пожалуйста, и дайте нам коньяка... Твой дед Вильгельм был очень умен и дальновиден, отказывал себе во всем, но тебя обучала чистокровная русская, ты говоришь без акцента, читаешь и пишешь по-русски без ошибок.

Комиссар взглянул испытующе, но так как старик не спрашивал, а утверждал, Дитер продолжал молча слушать.

Ну а если бы комиссар спросил, то Дитер бы ответил, что даже в России без ошибок пишут лишь немногие, а говорит он с легким акцентом, и русские принимают его за прибалта.

– Задание понятно, с чего ты думаешь начать? – спросил комиссар.

Инспектор хотел встать, но шеф жестом остановил, подвинул поднос с рюмкой коньяка.

– Приглашение наемных убийц из России в последнее время не такая уж редкость. Подобных профессионалов приглашают даже в Америку, где своих исполнителей более чем достаточно. Русский значительно дешевле, главное же – он прибыл, выполнил контракт и убыл. Он не может шантажировать заказчика, не может быть захвачен ни полицией, ни конкурирующей стороной, значит, никого не выдаст. Ты сидишь и думаешь, мол, все это мне известно, старик выжил из ума и посылает меня искать человека, которого давно нет в городе. Верно?

– Извините, господин комиссар, но вы абсолютно правы, – произнес наконец инспектор. – Я только не считаю...

– Не лги, мой мальчик, считаешь, – перебил комиссар. – Получая подобное задание, и я бы усомнился в здравом уме начальника. Ты служишь у меня десять лет. Ты слышал когда-нибудь, чтобы старик столько говорил?

– Никак нет.

– Я поручаю тебе скверное дело, хочу, чтобы ты понял – не у меня, комиссара Гюнтера, а у нас, немцев, сейчас другого решения нет. Мы подписали с русскими соглашение о совместной работе по борьбе с организованной преступностью и наркобизнесом. Русские доставляют нам много неприятностей, и, если мы их здесь не прижмем, будет еще хуже. Совершено варварское преступление. Мы имеем основания обратиться за помощью в розыске убийцы. Но ты не можешь прилететь в Москву. – Комиссар выдержал паузу, отметил, что рука инспектора, державшая рюмку, не дрогнула, и продолжал: – Ты не можешь прилететь в Москву и сказать: «Господа, у нас имеются данные, что зверское убийство в Мюнхене совершил ваш человек. У нас с вами соглашение, найдите убийцу и выдайте Германии».

Предположение было настолько абсурдно, что инспектор позволил себе пошутить:

– Почему нет? Россия страна небольшая, преступников там всего ничего. Такой вариант вполне возможен.

Комиссар взглянул одобрительно, поднял рюмку, пригубил и кивнул:

– Я знал, Дитер, ты разумный мальчик. Ты пойдешь в русскоязычные кварталы и будешь там болтаться до тех пор, пока не добудешь информацию. Русская колония невелика, все друг друга знают, чужака видели, а он обязательно там появлялся. Возраст, внешность, как он себя называл, конечно, не своим именем, откуда он родом. Конечно, он врал. Когда мы соберем все, тогда ты можешь прилететь в Москву и сказать: мол, мы сделали что могли, теперь давайте работать вместе.

Дитер знал русское выражение «хорошее кино», чуть было не произнес вслух, удержался, сказал:

– Сделаю все возможное, господин комиссар. Но русских следует ориентировать уже сейчас.

– От наших ориентировок горит любая электроника, уверен, что сейчас русским не до наших забот, – ответил комиссар. – В прошлом году у нас была группа офицеров из Москвы. Ты патрулировал с одним из них, вы попали в перестрелку, захватили двух бандитов. Мне показалось, что и ты, и русский в своих рапортах что-то утаили. Это так?

– Прошло столько времени...

– Инспектор! – Комиссар спохватился и мягко продолжал: – Дитер, мальчик, мне кто-то шепнул, что в русского стреляли с нескольких метров и ты вытолкнул его с линии огня. Это так?

– Мой русский напарник был человек очень опытный и быстрый, он бы справился и сам, возможно, я немного ему помог.

– Прекрасно! – Комиссар допил рюмку. – Позвони этому опытному и быстрому парню и попроси тебе помочь.

– Извините, но я не могу, господин комиссар, – твердо ответил Дитер.

Комиссар устал от непривычно долгого разговора. Дитер начинал раздражать своей молодостью, невозмутимостью, теперь и упрямством. Но старый полицейский лишь чуть прибавил голоса и терпеливо продолжал:

– Ты читаешь русские книги, но ничего об этих людях не знаешь. Россия – страна особенная, там законы и приказы не выполняются, а по дружбе пойдут и под нож, и под пулю. В России все делается по знакомству, звони этому парню.

– Не могу! – Дитер встал. – Когда я провожал русских на аэродром, то узнал, что мой напарник не «этот парень», а полковник.

– М-да, скверно, – растерянно произнес комиссар, провел пальцем по щеточке усов, почесал седой висок. – У них все не так, как положено. Я точно помню... оперативный работник, значит, инспектор.

– Полковник Гуров – старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Главного управления Министерства внутренних дел России, – сказал Дитер Вольф.

– И он патрулировал с тобой в машине, стрелял, даже дрался? – Комиссар вновь почесал висок. – Когда говорят, что русские люди загадочные, я смеюсь, теперь... – Он кашлянул и замолчал.

– Они произошли от других обезьян, господин комиссар. У них другая таблица умножения, и на месте правой руки у них левая. А полковник Гуров так просто больной, так считают даже его русские коллеги. И я, рядовой инспектор, не могу звонить полковнику...

– Верно, верно, иди продумывай легенду, готовься, я подумаю. – Комиссар встал; когда дверь за подчиненным закрылась, поморщился, даже развел руками. – Полковник... По особо важным делам... Бегает ночью по улицам и дерется... Россия!

Полковник Гуров вошел в парикмахерскую. На давно не мытой витрине было написано «Салон». Сыщик оглядел унылое, обшарпанное помещение. В салоне не было ни души, четыре кресла глядели в мутные зеркала на свои облезлые спинки. Три кресла явно никого не ждали, перед четвертым на некогда белой полке валялись инструменты, не лежали, именно валялись, и хотя Гуров с расстояния в несколько шагов хорошо рассмотреть не мог, но казалось, что инструменты в волосах клиента. Хотелось тихо уйти и никогда сюда не возвращаться. Гуров был полковник, сыщик, мужик волевой, соблазн поборол, кашлянул и громко сказал:

– Здравствуйте. Извините, что без предупреждения!

В проеме двери, ведущей в служебное помещение, никто не появился, он подошел ближе и повторил:

– Здравствуйте!

Из одной двери в другую прошла девушка в каком-то халате, с кружкой в руке, на Гурова не взглянула, крикнула:

– Светка, клиент пришел!

Не прошло и пяти минут, как вышла надменная девица с лицом, раскрашенным, как у индейца, собравшегося на тропу войны.

– Будем стричься? – Девица взглянула на голову клиента и вздохнула: – Вы знаете, сколько это стоит?

– Я вытерплю.

– Как желаете? – Девица подошла к креслу, махнула салфеткой.

– Хорошо, – ответил Гуров. – Я желаю, чтобы меня постригли хорошо.

– Стрижка модельная, – вынесла приговор девица, – тогда моею голову.

Полковника мыли и стригли даже не как щенка, а словно предмет неодушевленный – пригибали и крутили голову, подталкивали, нажимали на плечи или тянули вверх. К мастеру подходили и отходили люди, что-то предлагали купить или продать, дважды мастер уходила к телефону. Девицы разговаривали между собой о шмотках, выпивке и мужиках.

Когда Гуров, заплатив по его полковничьей зарплате большие деньги, оказался на свободе, его жизненный опыт стал несколько богаче, а ведь он проработал двадцать лет не в историческом музее, а в уголовном розыске. Понятно, в сорок два года человек не впервые заглянул в парикмахерскую, и приватизация началась не вчера, да и цены отпустили не сегодня, пора бы к демократии привыкнуть. Однако сыщик расстроился. Вроде бы он всегда женщинам нравился, а тут оказалось, что он и не мужик вовсе, обидно. Когда случались неприятности либо тоска без видимых причин, Гуров шел в тренажерный зал, в баню, если пришло время, в парикмахерскую, затем надевал свежую рубашку, парадный костюм, новый галстук. Какая здесь логика? Да никакой, главное, чтобы помогало. Сегодня он начал с парикмахерской, так на тебе, такой конфуз получился.

А началось все вчера, около полуночи раздался телефонный звонок из Мюнхена. Когда разговариваешь с заграницей, слышно значительно лучше, чем если позвонит сосед, у которого кончились сигареты.

– Добрый вечер, господин полковник, вас беспокоит Дитер Вольф из Мюнхена. – В трубке ничего не трещало, голос звучал чисто, не уплывая в небытие. – Извините ради бога, мне чертовски неловко, но обстоятельства...

– Здравствуйте, Дитер, – ответил Гуров, хотя подмывало заметить, что полночь отнюдь не вечер и кончай слова говорить, выкладывай свою просьбу. – Как здоровье? Как поживает Анна?

– Спасибо, господин полковник. У нас все в порядке. – Дитер запнулся и вздохнул.

– Дитер, мы с вами профессионалы, я вас слушаю.

– Две недели назад у нас произошла катастрофа, двое погибли на месте, один из них ребенок, мать находится в реанимации. Вы меня понимаете, господин полковник?

– И я понимаю, и любой, кто нас слышит, понимает, – ответил Гуров. – Вы полагаете, что исполнитель приезжал от нас?

– Сожалею, господин полковник.

– Вы, немцы, люди аккуратные, конечно, послали официальную бумагу?

– Я приношу свои извинения, господин полковник, сообщение мы послали, но пока нет ничего конкретного. Вы знаете, в нашей работе...

– Я знаю, Дитер, – перебил невежливо Гуров. – Что вы имеете по исполнителю?

– Тридцать лет, русский, рост и фигура средние, проживает предположительно... – И Дитер назвал город в России.

– Так много! Это мы вмиг организуем.

– Я вас понимаю, господин полковник, приношу извинения. Я не хотел вас беспокоить, но господин комиссар настоял. Извините...

– Дитер! – перебил Гуров. – Перестаньте извиняться, меня это раздражает. У вас комиссар, а у меня генералов... – Он хотел сказать, что генералов над ним как у сучки блох, но закончил коротко: – Достаточно. Я понимаю, такой расклад, что комиссар считает, что вы в прошлом году оказали мне услугу, потому можете обратиться с личной просьбой. Так вот, передайте комиссару... Вы когда прилетаете?

– Через несколько дней, господин полковник. – Дитер запнулся и вздохнул: – В общем, так.

– Позвоните в это же время, сообщите день и рейс. Низкий поклон Анне. Спокойной ночи. – Гуров не стал ждать извинений и благодарностей, положил трубку, сказал: – Цирлих-манирлих, только тебя мне и не хватало.

То патрулирование в Мюнхене Гуров, конечно, хорошо помнил, глупость произошла чрезвычайная. Ночь текла однообразная, скучная, Гуров дремал на переднем сиденье, вел машину, естественно, Дитер Вольф, который за истекшую неделю полковнику изрядно надоел чрезвычайной вежливостью, опекой, пояснением элементарных оперативных истин и скрытой

обидой, что его, Дитера Вольфа, квалифицированного детектива, заставляют патрулировать и выполнять роль гида. Немец не знал звания и должности своего напарника, иначе язык бы придержал, не знал, что и совместное патрулирование происходит по просьбе именно Гурова.

Полковник давно понял: эффективность работы полиции зависит не от руководства, даже не от профессионализма розыскников, а от первого звена – участковых и патрульных нарядов, участковых, проработавших на одном месте не менее десяти лет, которых мальчишки знают с первых хулиганистых шалостей – взломали сарай, уперли из подъезда велосипед, побили недругу стекла. Мальчишки растут, мужают, большинство идут в люди, некоторые в колонии, вернувшись, они видят своего участкового, который так же не придирается зазря, не пьет в подсобке главного отдела, прибавилось звездочек на погонах и морщин, убавилось волос, но мент знает каждого из прошлых, настоящих и будущих пациентов, как некогда знал земский доктор, чем болел отец и чего можно ждать от внука. И пациенты прекрасно знают – участкового не провести, не купить, зря в участок не потащит, при девушке грубым словом не обожжет, от него можно легко схлопотать без протокола, но по совести. От такого участкового зависит спокойствие людей, его можно встретить в книжке, музее, сотня, может чуть больше, разбросана по необъятным просторам России.

Патрульные на дребезжащих кособоких тарантасах разъезжают по улицам, подбирают, порой обирают пьяных. В основном это молодые самоуверенные ребята, порой хмельные, в серьезной рукопашной им грош цена. Они не способны по походке, манере держаться определить степень опасности подозреваемого, не умеют правильно к нему подойти, правильно стоять при проверке документов, большинство из них не знают основного закона ночного патруля: обнажил оружие – стреляй. Патрульных убивают чаще, чем иных сотрудников милиции.

Все это полковник Гуров отлично знает, убежден, что ни министр, ни мэр, ни даже президент изменить ситуацию не могут. Законопослушание, уважение общества к полицейскому требуют времени и огромных денег. За какие качества в обществе уважают мужчину? Ум, честь, физическая сила, заработок. Можно перечислить в обратном порядке. Чтобы получить умного, честного и сильного работника, необходимо начинать с зарплаты, жилья, создать конкурс, а не поиск тех, кто остался на обочине и никому больше не нужен. А депутаты, делегаты, директора, заместители, помощники и помощники заместителей? А генералы, адмиралы, полковники, начальники? Имя им легион. Президент может издать любой указ, если есть желание, подписать несколько, но коли сеешь брюкву, тыква не вырастет, если деньги вкладываются в руководителей, на улицах будет блеснуть гололед и разгуливать преступники. Если вы рядовому менту, господин мэр, дадите служебную квартиру, достойную зарплату, предупредите, что при несоответствии должности он лишится всего, в милицию придут лучшие ребята с улиц, которые надлежит охранять. Парни знают все проходняки и сквозняки, всех деловых и прибалтанных и быстренько наведут порядок. А если он, неразумный, вернется домой поддатый, жена или мама ему все растолкуют, и он запомнит все слова, до единого, на всю оставшуюся жизнь. А вы – указы, постановления, комиссии! Вы глупые или неловко прикидываетесь? А может, вас, господа, устраивает беспредел, творящийся на улицах городов матушки России?

Ну и как издревле повелось на Руси, вы, господа, мыслите масштабами агромадными. Что вам грабежи, разбои да изнасилования? Люди боятся на улицу выйти? Так пусть сидят дома, смотрят в ящик, слушают ваши рассуждения о преступности организованной да коррупции, словно не вы сами, лично, составляете ее основное ядро. Полковник Гуров – розыскник и не знает, как там, в странах, где живут по-человечески, но у нас в России организованная преступность, коррупция есть плоть изуродованной экономики, порождающей дефицит, правая, да и левая рука бюрократического аппарата, и бороться с ними милиции не дано. Господа, взгляните на себя в зеркало.

Полковник Гуров все знал про свою Россию и ничего про ихнюю Германию. Потому, прибыв в Мюнхен, сказал: мол, я – инспектор криминальной полиции. С совещаниями, брифингами и фуршетамы подождем, дайте покататься в ночном патрулировании.

Когда Гуров в первый раз выехал на дежурство, его больше всего поразили не машины, в которых были телефоны, компьютеры, рации, новейшие протекторы на колесах и даже бензин, а веселые парни полицейские. Полковник при росте сто восемьдесят два и весе восемьдесят оказался в этой компании если не самым мелким, то уж далеко не крупным. Здоровые, жизнерадостные парни на блестяще оборудованной технике выезжали в ночной город, и было ясно, кто хозяин этого города.

Напарник Гурову не понравился, иначе и быть не могло. У Дитера Вольфа было все то, чего не было у подчиненных и коллег полковника. Жизнерадостный, прекрасно тренированный и экипированный, уверенный в завтрашнем дне, Дитер Вольф не согрел в кармане сверток с осклизлой едой и термос с жидким чаем, так как мог остановиться в любое время у чистенького кафе, поесть горячего и вкусного, выпить кофе или банку пива. Хозяин ночного заведения, запоздалые посетители не смотрели на полицейского с презрением, встречали доброжелательной улыбкой, шуткой, пьяные – а такие встречались – по мере сил трезвели и торопились домой. Ко всем своим недостаткам Дитер был предельно вежлив и доброжелателен, говорил по-русски свободно, а Гуров шпрехал через пень-колоду.

Так на каком основании инспектор Вольф мог понравиться полковнику Гурову? Он вообще с новыми людьми выдерживал дистанцию, а тут от злости на свою нищету, глядя на зеркальные витрины, улыбающиеся лица, слушая вежливо поучающего напарника, совсем окаменел, чуть ли не льдом покрылся. Дитер, тоже живой человек, вскоре замолчал, изредка поглядывал удивленно; так в полном молчании они прокатались три смены без серьезных происшествий. Изредка останавливались, разнимали дерущихся. Разнимали – это для красного словца. Завидев полицейскую машину, вояки исчезали; если бежать было некуда, то стояли смирно, подходили к Дитеру, предъявляли документы, в основном водительские права. Инспектор запрашивал компьютер и получал полную биографию героя.

Первое дежурство Дитер поглядывал на Гурова, проверял, правильно ли напарник боится; убедившись, что молчаливый русский действует быстро и абсолютно грамотно, успокоился.

Останавливались у кафе, где полковник чувствовал себя отвратительно. В Москве в то время марка стоила около трехсот рублей, Гуров не мог об этом забыть, выпить чашку кофе и слегка перекусить за тысячу рублей... Это сколько дней надо работать?

На четвертую ночь ледок подтаял, Гуров не только отвечал на вопросы, но и сам порой спрашивал кое о чем. Они катились по тихой, почти безлюдной улице, когда Гуров неожиданно указал на мужчину, который подошел к одиноко бредущей проститутке, и сказал:

– Дитер, притормози этого парня.

Немец взглянул на русского удивленно. Поравнявшись с договаривавшейся парочкой, остановился и как всегда неторопливо вылез из машины, оперся на капот и сказал:

– Приятель, можно с тобой потолковать?

В отличие от медлительного, вальяжного Дитера, Гуров двигался быстро. Выскочив из машины, перекрыл незнакомцу отход. Проститутка потеряла к возможному клиенту интерес, виляя бедрами, двинулась дальше. Мужчина шагнул было к машине, из-за которой вышел Дитер, взглянул на Гурова и бросился на него, точнее, пытался проскочить мимо, но полковник был к этому готов и подставил ногу. Готов же Гуров был по очень простой причине – преступник, если хочет скрыться, всегда бросится на человека в штатском, а не в форме. Мужчина упал. Полковник и инспектор поменялись ролями: Гуров с флегматичным видом закурил, Дитер бросился, аки разъяренный зверь, щелкнули наручники, задержанного швырнули на заднее сиденье, и машина покатила в участок.

Неоднократно судимый, разыскиваемый за вооруженное нападение преступник взглянул на Гурова с ненавистью и что-то пробормотал по-немецки.

– Это вряд ли, – спокойно ответил Гуров.

– Ты понимаешь немецкий жаргон? – удивился Дитер.

– Конечно, нет, – пожал плечами полковник. – Так они на всех языках говорят одно и то же: «Ты живешь, пока я сижу», «Я передам на волю, и с тобой рассчитаются».

Дитер рассмеялся и спросил:

– А почему ты решил его проверить?

– Так он шел по делам и не собирался подходить к женщине, а когда увидел машину, резко повернул.

На следующий день полковника Гурова все поздравляли, немцы улыбались радушно, хлопали по плечу, показывали большой палец, соотечественники вымученно скалились и жали руку излишне крепко. Кто-то в сердцах обронил:

– Гуров – ему и за рубежом неймется, главное – высунуться.

Группа российских милиционеров была малочисленной, всего двенадцать человек, из них два практика-криминалиста, врач, теоретик уголовного права и семь партийных функционеров-руководителей. Хотя они и вышли из КПСС, толку от них в милиции было как от козла молока. Оперативную службу полковник Гуров представлял в единственном числе и попал в делегацию только благодаря своему начальнику и другу генералу Орлову, который пошел к заместителю министра и сказал много лишних слов.

А на следующую ночь после описываемых событий Дитер с Гуровым попали в стычку со стрельбой. Стреляют всегда неожиданно, данный случай не представлял исключения. Катили по ночному городу. Дитер философствовал, Гуров отделялся междометиями. Немец рассуждал о том, что не понимает русского, который отказался от предложения комиссара прочитать личному составу патрульной службы лекцию на тему: «Ночной патруль. Как я вижу улицу».

– Это неверное решение, приятель, – рассуждал Дитер. – Поболтать час нетрудно, ты бы набрал очки у своего начальства и получил бы марки. Я не понимаю тебя.

«Если бы ты знал, как мне нужны ваши марки, башмаки необходимо купить, – думал Гуров, – ты бы меня не понял еще больше. А если бы слышал мой разговор с генералом, бывшим партайгеноссе, то счел бы меня просто сумасшедшим».

Генерал, у которого последнее звание было лейтенант запаса, руководитель делегации (бывают руководители без делегации, но последние без руководителей не бывают), утром поздравил Гурова и сказал:

– Лев Иванович, куй железо, пока горячо, расскажи немцам о наших методах работы. Вечером я буду встречаться с префектом, может, сумею организовать тебе выступление по телевидению. Ты представляешь эффект, реакцию министра? Ты сможешь подняться до... – Руководитель замялся, видимо, прикидывая, куда же может подняться этот мент, и решительно закончил: – До определенного уровня.

Выступить было нетрудно. Гуров говорить умел, но уж очень он не любил этого бывшего лейтенанта запаса, поэтому вопреки логике и здравому смыслу ответил:

– Извините, товарищ генерал, выступать не люблю и не умею. – И без разрешения пошел к дверям.

– Полковник! – Генерал повысил голос. – Вернитесь, или вы будете сожалеть всю жизнь.

Ну проработай руководитель в милиции хотя бы год, знал бы, что с Гуровым так разговаривать нежелательно, да и опасно. Но генерал был прямиком с партийной сковородки и потому положение усугубил:

– Я сказал, что вы будете выступать. И вы будете!

Гуров вернулся, взглянул на генерала с неподдельным любопытством. Полковник знал стопроцентный способ прервать подобную дискуссию.

– Видите ли, господин генерал, я человек талантливый, почти гениальный сыщик. Талантливости обучить нельзя, как невозможно дурака сделать умным. Поэтому и моя лекция, как и наша беседа, совершенно ни к чему. Разрешите идти, господин генерал?

Так они и катились в роскошном «Мерседесе» по чистым, хорошо освещенным улицам Мюнхена. Немец рассуждал о том, что глупо отказываться от денег, русский молча соглашался. Полковник видел в витрине – в магазины он не заходил – высокие ботинки на толстой подошве, но марок на такие роскошные ботинки не хватало.

Они свернули с освещенной рекламами улицы в переулок, начинались кварталы, заселенные иностранцами, здесь проживала и русская колония; света стало меньше, на тротуарах валялись пустые коробки, банки из-под пива, в общем, мусор. Темно и грязно было не так, как в московских переулках, но обстановка казалась более реальной. Гуров почувствовал родной запах, в свете фар мелькнула знакомая кошка, полковник услышал слова, которые не переводятся ни на один язык в мире, и в этот момент ударил выстрел. Ответила короткая автоматная очередь. Дитер включил сирену и дальний свет, ответили активной пальбой. Стреляли не по машине, где-то метрах в пятидесяти, за углом справа. Гуров определил, что перестрелку ведут два пистолета разного калибра и автомат.

Машина выкатилась на перекресток, Гуров выскочил на мостовую. Дитер оказался рядом.

– Сядь за руль, развернись, освети правую улицу, – приказал Гуров.

За пять дней совместной работы инспектор Вольф ни разу не слышал, чтобы русский говорил в таком тоне, так командуют только большие начальники. Сработал инстинкт, Дитер впрыгнул в машину, развернулся и высветил две фигуры, которые, пересекая улицу, приближались к машине.

Сначала комиссар решил, что русский не может иметь оружия, но Гуров настоял, получил хорошо знакомый «вальтер» калибра 7,65 мм и предупреждение, что в случае нарушения закона предстанет перед судом. Полковник положил пистолет и запасную обойму в карман, хотел ответить, что не надо пугать ежа голой жопой, решил, что не поймут, лишь кивнул и коротко ответил: «Яволь».

Сейчас, стоя у машины, полковник поглаживал ребристую рукоятку «вальтера», наблюдал за бегущими, оружия у них в руках не просматривалось, но это отнюдь не значит, что его не было. Парни выскочили из света фар и бежали к проему между домами, который темнел метрах в двадцати от машины. Дитер, которого в этот момент Гуров назвал щенком, вместо того чтобы разворачивать машину и не выпускать бегущих из слепящих лучей, медленно двигаясь вперед, выскочил из машины, выстрелил в воздух и орал незнакомые слова.

– Не стреляй, может, это потерпевшие! – громко сказал Гуров.

«Даже если они вооружены, с бегу им не попасть, – думал Гуров, – если поднимут руку, я присяду за машину, начнут стрелять – открою ответный огонь, а самозащита в любой стране самозащита».

Увидев, как один из парней поднял плечо, Гуров двинулся за машину, получил неожиданно сильный удар, упал на асфальт, по машине застучали пули, грохнула автоматная очередь. Дитер прижимал Гурова к земле, шептал:

– Спокойно, спокойно, они не уйдут, проход закрыт.

Дальше все было скучно и неинтересно. Гуров поднялся, чертыхаясь, подобрал выпавший из руки «вальтер», отряхивал брюки и равнодушно наблюдал, как беглецы, освещенные ярким светом фар, тщетно карабкаются по высоченным воротам, которые перегораживали темный проход.

Дитер стоял рядом с машиной и отдавал лающие команды, разок выстрелил для остротки. С ворот упали короткоствольный автомат и пистолет, следом свалились и герои, замерли с поднятыми руками.

Приближался вой патрульной машины, через несколько секунд вторая пара мощных фар осветила сцену, и она стала походить на театральную.

Гуров взглянул, как Дитер защелкивает на преступниках наручники, пробормотал:

– Ты хочешь быть героем – будь им. – Пожал плечами, сел в машину и закурил.

Задержанных усадили во вторую машину без нежностей, но и не били. «Наши бы не удержались, врезали бы пару раз наверняка», – подумал равнодушно Гуров.

– Ты смелый парень, но нельзя же стоять открыто на линии огня, – говорил Дитер, который вел машину и по-мальчишески улыбался.

– Спасибо, коллега, ты мне спас жизнь, – ответил Гуров. – С меня причитается.

Дитер не услышал иронии, ответил очень серьезно:

– Мы напарники, сделали свою работу, и только.

Инспектор Дитер Вольф в рапорте указал, что при задержании русский работал безукоризненно. Перед отъездом полковник Гуров получил почетную грамоту и полицейскую бляху. Вот тут-то и выяснилось, что в патрульной машине работал полковник. Среди патрульных новость вызвала недоумение, а Дитер был смущен до крайности. Для немца полковник – это... черт знает что! Очень большой человек. Дитер вспоминал, как запросто разговаривал с русским, поучал его, возмущался, что тот не хочет выступить и получить марки. Полковник! Понятно, зачем полковнику жалкие марки! О ботинках на толстой подошве, да еще высоких, со шнуровкой, которые так и не купил полковник Гуров, инспектор Дитер Вольф ничего не знал.

Коллеги расспрашивали Дитера, каков он, русский полковник, как держится, как разговаривает. Дитер очень хвалил бывшего напарника, но однажды за кружкой пива, рассказывая, какой смельчак этот русский, обмолвился, мол, опыта патрульной работы у полковника маловато. И описал подробно, как бежали вооруженные бандиты, а русский полковник стоял в рост, и Дитеру пришлось сбить русского с ног, и автоматная очередь прошла над их головами. Так родилась легенда, что инспектор Вольф вывел русского полковника с линии огня, спас ему жизнь.

Гуров об этой легенде не знал, к немецкому оперу, так он называл про себя инспектора Вольфа, ни симпатий, ни антипатий не испытывал, когда Дитер позвонил, понял: придется помогать. А если называть вещи своими именами, то пахать по-черному, делать все возможное и невозможное тоже сделать. Иначе не по-людски получается: немцы русским продукты посылают, хоть и капля в море, а помощь, а русские в ответ командируют убийц, которые в Германии погоды не делают, однако менять преступников на жратву нечестно, грешно, можно сказать.

Глава 2

Поехали!

Начальник Гурова, генерал Петр Николаевич Орлов, знал полковника еще старшим лейтенантом, тонкошеим и голубоглазым. Много воды утекло с тех пор. Подполковник Орлов стал начальником главка, генералом, полысел, отрастил животик. Старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Гуров нарастил мышцы, шея у него стала как у борца, виски засеребрились, а вот глаза не то чтобы поблекли, но голубизну потеряли, стали синими, часто казались серыми, возможно, оттого, что Лева Гуров смотрел на мир восторженно, а Лев Иванович – устало, с легкой иронией. Работа на Дальнем Севере засчитывается год за два, а в уголовном розыске – один к одному, конечно, с высокой трибуны виднее, кому, сколько, за что и почему, и менты не спорят и не бастуют. Но как лошадь кормить, так она и пашет. К нашим героям, многолетним друзьям генералу Орлову и полковнику Гурову, данные рассуждения отношения не имеют, потому что сыщик – это не звание и не должность, а диагноз. Как врач, педагог, ученый (имеется в виду общечеловеческий, а не большевистский вариант) работает не за деньги, идею, звание, славу, а потому, что иначе жить не умеет, так и сыщик.

Генерал Орлов, с лицом не до конца протрезвевшего сантехника, как всегда с плохо повязанным галстуком, смотрел на сидевшего в кресле для гостей Дитера Вольфа доброжелательно, но достаточно равнодушно. На стоявшего у окна Гурова генерал вообще не смотрел, боялся. Утром, договариваясь о встрече, Гуров настоятельно просил надеть мундир, объяснил, что для немца это очень важно, и Орлов обещал, однако переодеться поленился; теперь ему было стыдно, он на друга не смотрел, старался общаться только с гостем.

И в мягком неудобном кресле Дитер Вольф ухитрился сидеть с прямой спиной, развернутыми плечами, выставив квадратный подбородок, и никак не выдавать своего удивления, даже разочарования. Утром русский полковник сказал Дитеру, что их примет руководитель криминальной полиции России, генерал. Сейчас Дитер смотрел на пожилого ужасно одетого человека с лицом провинциального буфетчика, который шмыгал носом, тер короткопалой ладонью лицо, вздыхал и говорил нерешительно.

– Значит, Дитер Вольф, инспектор, у тебя проблемы. Очень приятно. – Орлов вздохнул. – Ничего приятного, я говорю глупости, со мной случается, извини. Ты ведь свободно говоришь по-русски и понимаешь меня?

– Так точно, господин генерал!

– Господин генерал – это хорошо, но зови меня Петр Николаевич.

– Так точно, понял! – Дитер сделал, казалось, невозможное, выпрямился еще больше.

– Так точно, – пробормотал Орлов, покосился недовольно на Гурова, нажал на кнопку и сказал: – Девочка, дай нам кофе и раздобудь бутылку коньяка, у нас иностранец.

– Все готово, Петр Николаевич, – ответила секретарша. – Разрешите?

– Разрешаю. – Орлов повернулся к Дитеру, оглядел с любопытством, заглянул в глаза, спросил: – Сколько лет в розыске?

– Семь лет, господин... Петр Николаевич, – ответил Дитер, увидел в глазах генерала насмешку и пожегся.

– Семь лет в должности инспектора?

– Нет, инспектором год и семь месяцев.

– Значит, стригунок. – Орлов взглянул на Гурова: – Тебе крупно повезло, полковник, я тебе просто завидую.

Верочка принесла поднос с кофейником, чашками, сахарницей, бутылкой коньяка и даже рюмками. Держалась секретарша неестественно прямо и скованно. Орлов хмыкнул и сказал:

– Спасибо, Верунчик, этот парень холостой, улыбнись ему.

– Петр Николаевич! – Верочка поставила поднос, неожиданно сделала книксен, улыбнулась Дитеру, повернувшись к Гурову, показала язык и исчезла.

– Видишь, какие у нас нравы, но ты еще и не то узнаешь, парень. Лева, поухаживай за нами, и будем считать, что знакомство состоялось. Разминка окончена, к делу.

Гуров разлил по чашкам кофе, капнул в рюмки коньяка, еле сдержал улыбку, заметив, как покраснел Дитер, который не мог понять, почему полковник выполняет работу кельнера.

– Значит, мы имеем невыразительные усредненные приметы: возраст около тридцати, возможно, город постоянного проживания, профессия – наемный убийца. Как я понял, – Орлов открыл лежавшую перед ним папку, – женщина осталась жива, убийцу сможет опознать. Три человека могут подтвердить, что данный человек находился в день убийства в Мюнхене. Оснований для ареста в России никаких, возможность доказать вину подозреваемого в Мюнхене оставим нашим немецким коллегам. – Генерал взглянул на Дитера: – Ты хочешь что-то сказать – говори.

Когда Орлов заговорил о деле, Дитер удивился происшедшим в генерале переменам. Лицо у него неожиданно затвердело, взгляд стал твердым, голос чистым, нелепые короткие пальцы переплелись в крепчайший замок. Дитер был уверен, что ничем не выдал своего желания высказаться, однако генерал угадал, сейчас смотрел строго.

– На правой кисти у него татуировка в виде пятиконечной звезды, – сказал Дитер.

Орлов усмехнулся, взглянул на Гурова.

– Это не примета, Дитер, – сказал полковник, взял чашку с кофе, отошел к окну. – Можно нарисовать что угодно.

«Куда я прилетел и зачем? Генерал и полковник – о чем они говорят?» – молча удивлялся Дитер.

Гуров налил генералу большую рюмку, тот понюхал, с довольным видом отставил и сказал:

– Выкладывай. – Взглянул на часы: – Минуту. – Вызвал секретаршу и попросил его с кем-то соединить.

– Мне необходим дом в пригороде, желательны удобства, иначе иностранец не поймет, «Жигули» в хорошем состоянии, со штатскими номерами, желательно, чтобы машина была зарегистрирована на какого-нибудь торговца. Главное. Мне нужен один, – Гуров показал палец, – один связной. И не офицер из окружения, а настоящий оперативник, хороший агентурист. И чтобы ни одна живая душа, кроме генерала и связного, о нашем присутствии в городе не знала.

– Понял. – Генерал кивнул, выпил остывший кофе. – Будешь краситься под авторитета?

– Естественно. – Полковник пожал плечами, взглянул на Дитера и пояснил: – Авторитетами у нас называют крупных, признанных уголовников.

– А как подойдешь? Они же к себе чужих не подпускают, – сказал Орлов.

– Охолопись, Петр, будто ты меня не знаешь. Я подойду.

– Подойдешь, – согласился генерал и спокойно, будто говорил о погоде, продолжал: – Зарежут. Тебя мы захороним, хотя сегодня ритуал стоит сумасшедших денег. А с ним как? – Он кивнул на Дитера. – Цинковый гроб, транспортировка, а меня заставят тонну бумаги исписать.

– К старости ты становишься паникером, – флегматично ответил Гуров. – Если мы стогрим, то наши тела вы не отыщете никогда, так что не брюзжи, никаких забот у тебя не будет.

Дитер слушал напряженно, переводил взгляд с генерала на полковника и обратно, когда они замолчали, улыбнулся:

– Понимаю. У вас это называется черный юмор.

Орлов хмыкнул, кивнул Гурову, мол, ты заварил, ты и отвечай, но полковник лишь привычно пожал плечами и занял свою позицию у окна. Орлов понял, что на друга надеяться

нечего, оглядел Дитера, вздохнул тяжело, словно собирался взвалить его на спину, и нехотя сказал:

– Понимаешь, парень, у нас в России сейчас ничего нет, и юмора тоже, а преступников, в частности убийц, как котов на помойке.

– У нас много депутатов, – вставил Гуров.

– Полковник, не забываетесь...

– Петр Николаевич, снимите трубочку, – сказала секретарша.

– Прекрасно! – Генерал снял трубку, прикрыл ладонью. – Ты объясни мальчику, чего у нас много и как у тебя с юмором. – И продолжал уже в трубку: – Господин генерал? Это некто Орлов, если помните... – Он выслушал ответ и громко рассмеялся: – Ну, здравствуй, здравствуй... Чего надо? А чего с тебя взять? Хотел узнать, как здоровье. Как Мариша, ребята? – Он слушал абонента и указал Гурову на дверь.

Полковник подтолкнул Дитера вперед и вышел следом.

– Лев Иванович, долго еще? Сил никаких нет! – сказала возмущенно секретарша.

– Верунчик, я тебе говорил, иди в коммерческий ларек, там порядок и деньги, дам рекомендацию. Ты знаешь, я в авторитете, – сказал серьезно Гуров.

– С превеликим удовольствием, еще вчера ушла бы, – ответила Верочка. – Так ведь он, – девушка кивнула на дубовые двери, – без меня пропадет.

– Елена, что до тебя генерала стерегла, то же самое говорила. – Гуров открыл дверь в коридор, кивнул Дитеру, приглашая выйти в коридор. – Так ушла, замужем, гуляет на последнем месяце, а ты здесь, на посту. Ты, Верунчик, недооцениваешь Россию, у нас душевных дураков и дурочек еще надолго хватит.

Коридор был длинный, полутемный, зажат с обеих сторон шеренгами безликих дверей; рабочий день давно кончился, немец и русский шли неторопливо, первый говорил, второй, не слушая, поддакивал, думал о своем.

– Господин полковник, меня предупреждали, что Россия страна не такая... Я не много видел полковников и генералов, но вы люди странные, простите за дерзость, но ведь положение обязывает...

– Обязывает? – хмыкнул Гуров. – Вяжет, просто петля.

– Простите, я растерялся, говорю не о том, но мне интересно. Генерал ваш начальник?

– Обязательно.

– А человек, с которым генерал сейчас говорит по телефону, подчиняется Петру Николаевичу?

– Обязательно. – Гуров взял Дитера под руку и повернул в обратную сторону.

– Так почему генерал всех просит, он даже свою секретаршу просит?

– У нас все равны.

– Секретарша и генерал?

– Секретарша главнее. – Гуров остановился и ткнул Дитера пальцем в грудь. – Отстань, хочешь говорить – говори, а вопросов не задавай, мешаешь думать.

– Слушаюсь, господин полковник! – Дитер щелкнул каблуками.

– Промазал, сейчас я не господин полковник, а хам.

– Простите, Россия...

Верочка выглянула в коридор и позвала:

– Лев Иванович, просят зайти.

– Россия, – бормотал Гуров, убыстряя шаг, – ты, приятель, Россию не видел, познакомишься – в холодном поту проснешься... Домой тебя надо отправить, в Европу...

– Не надо, господин полковник...

Орлов встретил оперативников улыбкой:

– Ну, в принципе, господин полковник, твои просьбы будут удовлетворены, дорога в крематорий...

– Господин генерал, – перебил Гуров, – ваш специфический юмор, простите. Вы обговорили вопрос, как легендируется для окружения, что мы заняли данный дом и арендовали машину? Ведь нас будут проверять и начнут именно с дома и машины. Как? Почему? От кого?

Орлов явно смешался, взглянул на Дитера.

– Ты угощайся, парень, – и налил ему коньяку, – не стесняйся, наш разговор ты все равно не поймешь. – Повернулся к Гурову: – Ты, Лева, как обычно, берешь за яблочко. Василий, – генерал погладил телефонный аппарат, – мне обещал вопрос проработать. Ты понимаешь, Лева, тамошний генерал мой давнишний приятель, человек честнейший, но ума не палата, я опасаюсь. Может, ты по своим каналам легендируешься, через Юдина или Бунича?

– Чего? – Гуров от возмущения даже привстал на носки. – Кто меня в этом кабинете распекал за связь с коррумпированными финансистами? Кто мне про честь мундира...

– Начальник главка генерал Орлов, – перебил Орлов и посмотрел невозмутимо. – И правильно распекал. А сейчас с тобой разговаривает оперативник и друг, который хочет быть уверен, что на первых шагах тебя там не завалят. Кто лучше – Юдин или Бунич?

– Бунич, – ответил Гуров. – Юдин из этих структур ушел, чистенький как стеклышко.

– Значит, звони Буничу, это его регион, пусть он по своим каналам тебя легендирует.

– А зачем ему? Он мне ничего не должен.

– Не ври, грешно. Чтобы человек с тобой схватился и без долгов ушел? А кто его охранников-близнят от тюрьмы спас, когда они наркотики хотели схватить?

– Так я не их спасал, а Рогового прихватывал, – улыбнулся Гуров.

– Это знаешь ты! Да что я тебе объясняю? Не морочь мне голову, ты еще тогда все просчитал и запасец на черный день припрятал. Не будь скупердяем, заначку доставай и действуй. Только хозяину этого кабинета, – Орлов постучал пальцем по столу, – ни гугу, это твои оперативные дела. С вами, господин полковник, мы разобрались.

Орлов вместе с креслом повернулся к Дитеру и начал его разглядывать, будто впервые увидел. Немец понял: решается его судьба, неверное слово, плохая реакция – и он полетит в Мюнхен. А это позор. Почему-то вспомнились рассказы Айзека Азимова, Брэдбери, встречи людей с инопланетянами, попытки найти общий язык. Дитер не опускал взгляда, смотрел на русского генерала и уже не видел мятого костюма, криво повязанного галстука, только глаза, внимательные, строгие, одновременно доброжелательные, массивный шишковатый лоб, за которым скрывались мысли-тайны. Не опускай взгляда и молчи до последнего, молчи, пока не будешь знать точный, однозначный ответ.

– Ну, как коньяк, инспектор, нравится?

– Ничего, спасибо.

– А чего же ты рюмку второй час мучаешь?

– Я немец, привычка.

– Ты в джунглях охотился?

– Нет.

– Я тоже не охотился и с лучшим проводником в джунгли бы не пошел, там свои законы.

А ты?

– На охоту не пошел бы.

– А за чем бы пошел?

– Спасать друга. – Дитер замялся, тяжело сглотнул, он чувствовал, что идет по самому краю, но еще не провалился. – Спасать свою честь.

В глазах генерала заплясала смешинка; Дитер испугался, что сказал лишнее, но знал, что исправить ничего нельзя, молчал.

– Инспектор! – Голос Орлова стал генеральским. – Поставьте рюмку на стол!

Дитер выполнил приказ.

– Теперь медленно-медленно возьмите.

Дитер медленно протянул руку, взял рюмку, допил коньяк. Генерал был совершенно непредсказуем, повернулся к полковнику и сказал:

– Рост сто восемьдесят пять, вес девяносто, глаза, стрижка – типичный полицейский. – Казалось, он забыл о Дитере, говорил только с Гуровым. – Ты понимаешь, Лева, тебе там не с паханами темными дело иметь, не с ворами в законе, а с авторитетами, с людьми, служившими у нас и у соседей, которые покатались по Европам, поглядели, нанюхались. От него полицейским за версту несет.

– Неужели ты полагаешь, Петр, что я это не учел и не включил в легенду? – удивленно спросил Гуров. – Конечно, Дитер – полицейский и служит в охране, только он служит двум богам.

– Неплохо. – Генеральский тон пропал. Орлов вновь начал тереть нос, пытался поставить его на место; только оперативники расслабились, как генерал спросил: – Откуда он так хорошо говорит по-русски? Полицейский, русский в совершенстве, таким человеком рисковать не будут. Только не надо мне рассказывать про деда, семейный террор и русскую литературу. Я говорю, для одного человека это многовато. Вы мне ответьте, господин полковник, если бы у вас был такой парень, вы бы позволили ему лететь в Мюнхен налаживать связь с местными законами преступного мира?

Полковник молча пожал плечами, Дитер понял, что провалился. Его сбивали не только парадоксальные вопросы генерала, но и манера общения русских между собой. То они обращаются друг к другу вполне официально, то говорят между собой, как мальчики на вечеринке. Дитер не мог понять: смена обращения что-то значит и что именно?

Первым оправился от удара и нашел простейший контрход полковник, взял со стола нетронутую рюмку генерала и сказал:

– Вы, господин генерал, не пьете, сливать в бутылку в присутствии иностранца неудобно, выливать грешно. – Выпил залпом, промокнул губы платком и закурил. – Вас, Петр Николаевич, просто дезинформировали, к сожалению, этот немец по-русски, как я по-немецки.

Дитер принял мяч с лета и сердито ответил:

– Ты есть врать! Я русский понимаю! Говорить мало, понимаю много!

– Ладно. – Орлов тяжело поднялся, махнул рукой. – Готовьтесь, через двое суток доложите разработку, будем решать.

Дитер сел в «Жигули», дисциплинированно пристегнулся, посмотрел на жесткий профиль полковника, который невозмутимо газовал, пытаясь завести машину, и в десятый, сотый, возможно, тысячный раз подумал, что читал Чехова, Гоголя, современных русских писателей, а людей этих не понимает. На такой машине в Германии может ездить только конченный человек. Наконец мотор заработал, «жигуленок», кашляя, скрипя и переваливаясь, выкатился со стоянки на улицу, полковник включил указатель правого поворота, и тут же какая-то машина бросилась из центрального потока прямо наперерез, пронеслась в сантиметрах от них, залила грязью ветровое стекло и унеслась, будто ничего не случилось. И полковник никак на происшедшее не реагировал, пустил «дворники» и выкатился на центральную магистраль. «Чуть-чуть, и нас бы разбили к чертовой матери, – подумал Дитер, покосился на спокойное лицо полковника. – Может, за нами уже началась охота?»

– Не бери в голову, это нормальный московский таксист, – сказал Гуров и закурил.

Дитер уже привык, что полковник постоянно отгадывает его мысли и чувства, и спросил:

– Но вы же полковник полиции, почему вы не догоните его и не накажете?

– Не хочу выглядеть идиотом, – ответил Гуров и закурил.

– А генерал очень умный, – задумчиво произнес Дитер.

Полковник лишь кивнул, приспустил стекло и выбросил окурок на улицу. Дитер вздохнул и осуждающе покачал головой. В Германии выбросить окурок в окно может позволить себе какой-нибудь турок, и то лишь в своих кварталах.

– Генерал сказал, что будем решать. Господин полковник, как вы думаете, он не отправит меня в Мюнхен?

– Он тебя уже оставил, и ты полетишь со мной, если не передумаешь.

– Господин полковник...

– Он тебе прямо сказал, что ты не знаешь законов охоты. И то, что ты упрямо лезешь в дело, доказывает твою молодость и глупость, больше ничего.

Дитер обиделся; полковник взглянул на него, хмыкнул, покачал головой:

– Да, хлебну я с тобой горячего.

– Я этого выражения не понимаю.

– Но ты со мной тоже хлебнешь, тогда и поймешь. У нас двое суток, это много и ничего. Домашние заготовки в нашем деле сплошная глупость, твоя легенда предельно проста. Главное нам притереться друг к другу, что крайне сложно. Начнем с того, что ты усвоишь – обижаться на меня совершенно бессмысленно и опасно для дела, обида отвлекает. Ты больше никогда не назовешь меня «господин полковник». С этого момента, уяснил?

– Уяснил.

– А как ты будешь обращаться ко мне? Только не придумывай. Как тебе естественнее и проще обращаться к человеку, который старше тебя по возрасту и положению в организации.

– Шеф? – неуверенно произнес Дитер.

– Кино.

– Господин Гуров?

– Нельзя. Понимаешь, парень, я документов менять не буду, но моя фамилия достаточно известна, и повторять ее не следует.

– Врач? – сказал Дитер и щелкнул пальцами. – У вас есть другое слово.

– Доктор?

– Верно! Доктор.

– Доктор? Неплохо, – согласился Гуров. – Уважительно и безлично. – Он остановил машину около своего дома. – Вылезай, парень, пойдем домой, пошарим в холодильнике, полагаю, что найдем там немного.

– У меня есть марки, мы можем пойти в ресторан.

– Можем, но не пойдем, – ответил Гуров, запер машину и вошел в подъезд.

– Доктор! – крикнул Дитер, закончив гимнастику и направляясь в душ. – Я голодный как черт!

– Во-первых, в моей квартире ты можешь не кричать, здесь и шепот слышен, – ответил из кухни Гуров. – А к голоду ты скоро привыкнешь, трудно лишь первые десять-пятнадцать лет.

Сыщик спал плохо, поднялся рано, заставил себя сделать короткую пробежку, позанимался с резиной, которую использовал вместо эспандера; сейчас жарил ломтики черного хлеба, разбил на сковородку последние три яйца, сварил кофе и все время думал об одном и том же. Кого взять с собой – опытного оперативника или немца? О том, что нельзя рисковать жизнью иностранца, Гурову и мысль не приходила. Рисковать жизнью человека в мирное время нельзя, но если очень нужно, то приходится. Какое значение имеет национальность, вероисповедание или партийность? Любой человек рожден для жизни, и он, полковник Гуров, не имеет права подставлять человека под нож. На самом деле вопрос, в какую сторону лететь инспектору Вольфу, решать полковнику Гурову, а не генералу Орлову, и это справедливо: кто идет в связке, тот и решает.

Вчерашняя беседа преследовала лишь одну цель: Орлов пытался обнаружить, не обладает ли немец ярко выраженными недостатками, не подвержен ли нервным срывам, не дрожат ли у него руки, как он ориентируется в незнакомой обстановке. Если бы что-нибудь подобное проявилось, то вопрос бы отпал автоматически. Двое суток Петр дал другу для близкого знакомства с кандидатом. Сейчас генерал подбирает дублера из оперативников. Хотя тоже напрасно, Гуров знает, кого возьмет с собой, если откажется от немца. Станислав Крячко, старый друг из МУРа. Сейчас подполковник, опытный, точный, спокойный, простой и надежный, как молодец. Станислав во всех отношениях лучше самолюбивого немецкого парня, но Дитер имеет хотя и одно, но главное преимущество, которое ничем не перешибить. Он немец. А единственная легенда, по которой возможно искать убийцу-исполнителя в Мюнхене, требует присутствия немца. Иначе это не операция, а кукиш, причем явно милицкий кукиш. А если я все так хорошо понимаю, рассуждал Гуров, переворачивая подгоревшие хлебцы, и коли не из чего выбирать, так чего мучиться? Следует вбить Дитеру три, максимум четыре варианта решений, из которых он в случае необходимости может выбирать. Парень он дисциплинированный, должен не подвести, если на мелководье не захлебнемся, на глубине не потонем.

– Очень люблю яйца и кофе, доктор, – заявил Дитер, заглядывая через плечо.

– У меня в детстве была мечта.

– Какая?

– Доставить тебе удовольствие. – Гуров разрезал запекшийся на сковороде блин пополам, разложил по тарелкам, налил кофе в кружки. – Хватай мешки, вокзал отходит. Кто первым встал, того и сапоги, а кто не успел, тот опоздал.

– Понимаю, фольклор.

– Вся наша жизнь сплошной фольклор.

– Извините, доктор, а сок есть?

– Сок? Любой, в неограниченном количестве... в Мюнхене.

– Черный юмор.

– Не черный и не юмор, жизнь, простая, как задница новорожденного.

– Я плохо знаю русский язык.

– Естественно. Антон Павлович таких выражений не употреблял.

– А серьезно вы разговариваете?

– Обязательно. – Гуров кивнул. – Когда молчу, то сам с собой я разговариваю абсолютно серьезно, никаких шуток не позволяю.

– Когда мы начнем работать?

– Сейчас же, так как твоя очередь мыть посуду.

Молча вымыв посуду, Дитер долго мыл в ванной руки, тер их одеколоном; вернувшись в комнату, сердито сказал:

– Я мог поселиться в отеле, есть нормальную пищу. Мы все равно не работаем, только болтаем, господин полковник.

– Не много же тебе нужно, чтобы сорваться. – Гуров отложил газету.

– Я хочу работать.

– Мне безразлично, что ты хочешь, – ответил Гуров. – Объясняю два раза – первый и последний. Ты выполняешь мои приказы либо просьбы, что одно и то же. А чтобы твое сопливое самолюбие не бушевало, один раз объясню. Ты слово «сопливое» понимаешь?

– Понимаю, доктор. Ты хочешь сказать, что я совсем маленький.

– Маленький, и у тебя мокрый нос. Я совершенно не обязан тебе все объяснять, но сделаю исключение.

– Как иностранцу, – попытался пошутить Дитер, стыдясь своего срыва из-за какой-то ерунды.

– Именно, – кивнул Гуров. – Своему оперативнику я бы ничего объяснять не стал, отправил бы его к маме и взял бы другого, поумнее. Ты не можешь жить в гостинице по многим причинам. Ты должен привыкать к нашей жизни, еде, привычкам, ко мне лично. Там, куда мы лезем, мои извилины будут забиты до отказа, я не должен думать, что тебе можно сказать, а чего нельзя – обидишься. Обидчивый оперативник хуже покойника. Спроси: почему?

– Почему, доктор?

– Покойник никогда не подведет. Ты не можешь жить в гостинице, так как нам нужны твои марки, которые мы сегодня поменяем на рубли. Мы с тобой деловые люди, авторитеты, уж завалящий миллион у нас быть должен. А где его взять? Ты не можешь жить в гостинице, потому что тебя там могут увидеть люди, с которыми мы можем позже встретиться. Они очень удивятся, что человек, который прилетел в Россию со столь деликатной миссией, живет в интуристовской гостинице и светится на глазах спецслужб. Ты не можешь...

– Простите, доктор, я понял, – перебил Дитер.

– Ты ничего не понял, так как не знаешь, что тебя ждет, но жизнь тебе объяснит. И если ты сумеешь вернуться в свой мытый, сытый Мюнхен, зайдешь в церковь и поставишь свечку. Ты хотел работать? Иди сюда.

Гуров легко поднялся, встал у входной двери, поставил Дитера рядом.

– Задача. Ты пришел в квартиру с человеком, которому не доверяешь, но показывать этого не можешь. Понял?

– Понял, доктор.

– Раз пришел, проходи. – Гуров указал на комнату, пошел вперед, взглянул в сторону ванной и туалета, пробормотал: – Свет гасить надо. – Подошел, щелкнул выключателем.

Дитер стоял на пороге комнаты, оглядывался, сыщик приблизился к нему сзади, ткнул носком ботинка под коленку, ударил кулаком за ухо, когда немец начал падать, добавил ногой. Дитер тяжело грохнулся на пол, держась за голову, поднялся на четвереньки, смотрел ошарашенно. Гуров вытянул указательный палец, прищурился и сказал:

– Ты опоздал, парень. – Вернулся к входной двери, спокойно, словно ничего не произошло, поманил к себе Дитера. – Попробуем сначала.

Дитер поднялся, ощупал голову, подошел к Гурову, встал рядом.

При второй попытке Дитер не поворачивался к хозяину спиной, они вошли в комнату. Гуров махнул рукой, сказал:

– Ну, раз явился, присаживайся. – И отошел к окну.

Дитер сел лицом к Гурову, но спиной к двери, и сыщику стало грустно. Ни один самый заштатный опер, работавший у Гурова, никогда не сел бы спиной к двери. «Я не воспитательница в детском саду, слюнявчик подвязывать не обязан, – думал сыщик и урезонивал себя – У тебя, Гуров, другого немца нет, а без немца тебе это дело не проверить. Терпи».

Дитер был сердит, он понимал, что, повернувшись спиной, совершил ошибку, но полагал, что бить человека всерьез на тренировках нельзя. У этих русских все не как у людей цивилизованных, все через край. Он чувствовал, как за ухом набухает шишка, не дотрагивался, чтобы не показаться слабаком.

– Будем считать, что сеанс окончен, ты провалился, пойдешь в ванную, намочи полотенце, приложи за ухо.

– Ничего, доктор, пройдет.

– Я сказал. – Гуров вздохнул, когда Дитер вернулся с полотенцем, спросил: – Ты знаешь, что такое лопух?

– Лопух? – переспросил Дитер. – Кажется, растение.

– Лопух – человек глупый, неопытный, инспектор Дитер Вольф, который садится спиной к дверям. Ладно, за двое суток таблицу умножения пройдем, а математика из тебя жизнь сделает либо убьет, это уж как сложится.

– Не пугайте, доктор, я не боюсь. – Дитер все больше раздражался, но пересел на диван, чтобы видеть дверь.

– Не бояться только дебилы. Если бы тебя сейчас Петр видел и слышал, ты бы уже ехал в аэропорт. Я обещал, что ты со мной хлебнешь горячего, теплое ты уже попробовал.

Дитер Вольф ничего не ответил, лишь поежился, так как из мокрого полотенца, которое он прижимал за ухом, побежала холодная струйка воды, щекотливо нырнула между лопаток.

Гуров отпер железный ящик, который стоял у письменного стола, достал плоский чемоданчик-кейс с цифровым замком, открыл, положил на колени и начал изучать содержимое.

Дитер смотрел на русского полковника, который с легкой улыбкой, что-то беззаботно насвистывая, копался в кейсе. «Русский ударил меня совершенно серьезно, – рассуждал немец, – оскорбляет, угрожает, так чего он добивается? С этим деревенским генералом они явно друзья, если полковник не хочет брать меня, то может не брать, зачем унижать человека, бить?»

Гуров поднялся, положил открытый кейс на стол, сказал:

– Взгляни, парень, скажи, что ты об этом думаешь?

– Момент. – Дитер поднялся, прошел в ванную, бросил полотенце в раковину, вытерся, вернулся в комнату, долго рассматривал содержимое кейса, сказал: – Это приборы прослушивания и записи, слежения за объектом на расстоянии до десяти километров, пистолет «беретта» с обоймой патронов, заряженных очень сильным паралитическим газом.

Дитер взял авторучку, лежавшую в мягком углублении. Гуров перехватил руку немца, вернул ручку на место.

– Понятно, – кивнул Дитер, – авторучка есть одноразовое взрывное устройство. Шпионский «дипломат», малый набор, изготовлен у нас, в Германии, возможно, в другой стране и лишь подделка под немцев. Вещь дорогая. Извините, но я не знал, что вы так современно вооружены.

– Ты многого о нас не знаешь, – ответил Гуров, пощупал желвак за ухом Дитера, улыбнулся – Через сутки пройдет, а память останется. У меня нет времени на твое обучение, необходимо, чтобы ты все запоминал с одного раза.

Сыщик убрал кейс в железный ящик, подумал, что немец держится достойно, терпит, но нельзя ему рассказать, что «шпионского оборудования» нет на вооружении российской милиции, а данный кейс Гуров получил в подарок от преуспевающего бизнесмена, бывшего авторитета уголовного мира, в благодарность за некогда оказанную услугу. Закопослушный немец подобного объяснения не поймет, что вполне естественно, если сам сыщик не всегда отчетливо понимает, где его взаимоотношения с преступниками соответствуют законам агентурно-оперативной работы, а где превышают их, и главное – есть ли такие законы? Для себя Гуров так определил границу дозволенного: в борьбе с преступником дозволено все, кроме... Не бери мзду, не бери ничего для личного обогащения... Не фальсифицируй доказательств вины человека, даже если на сто процентов уверен в его вине. Никогда не стреляй первым, твой выстрел или удар всегда лишь ответ. Коротко, полковнику Гурову кажется, что справедливо, но он убежден: ни высокие генералы, ни тем более прокуратура его законов не поймет, оснастит их таким количеством дополнений, уточнений и ограничений, что Гулливер, которого лилипуты связали тысячами ниточек, по сравнению с сыщиком покажется человеком абсолютно свободным.

– Дитер, сколько у нас немецких марок? – спросил Гуров.

– У нас? – растерянно переспросил инспектор. – Да-да, конечно, я понял. Десять тысяч, и у меня имеется кредитная карточка.

– Карточка нам ни к чему, а десять тысяч... – Гуров произвел подсчет в рублях. – Не густо, будем экономить.

Полковник позвонил в МУР своему бывшему подчиненному оперативнику и сказал:

– Здравствуй, Борис, Гуров беспокоит.
– Лев Иванович, здравствуйте, как здоровье?
– Спасибо, Боря, у тебя Станислав начальником?
– Так точно!
– У тебя сейчас ничего не горит? Скажи Станиславу, что я тебя попросил взаймы на пару часов. Мне нужно обменять пять тысяч немецких марок на рубли. А я не хочу светиться.
– Вы стали миллионером, Лев Иванович, поздравляю.
– А ты, Боря, стал болтуном. Переговоришь с начальником, будешь выезжать, позвони. – Гуров положил трубку, взглянул на Дитера, который сидел на диване, читал О. Генри и улыбался.

Сыщик открыл записную книжку, Орлов посоветовал связаться с Буничем, попросить помощи. На начальника городского управления генерал Орлов особых надежд не возлагал. Лев Ильич Бунич, который и живет-то в другом городе России и должности большой не занимает, вернее генерала. Кто такой Бунич? Биржевик и миллионер с личной охраной и огромными связями в центральной части России. У Бунича чистые руки, белый воротничок, но коррумпирован он на сто процентов, иначе никакой властью не обладал бы. Минувшей весной Гуров столкнулся с этим человеком, схватка была короткой, бескровной, закончилась вничью, но с моральным перевесом на стороне полковника, который уберег людей Бунича от рокового шага к наркотикам и спас от тюрьмы, а их хозяина от посещения прокуратуры. Звонить не хотелось, сыщик накручивал себя: значит, как обвинять Гурова в знакомстве с людьми не шибко чистоплотными, а то и с точно коррумпированными, кричите так, что генеральские погоны торчком становятся, а как помощь нужна, разговор иной. «Охолопись, Лева, – урезонил себя полковник. – Петр никогда тебя за агентурную работу не разносил и сегодня печется именно о твоём здоровье. Охолопись».

Он начал крутить телефонный диск. Очень быстро, минут за двадцать, удалось соединиться.

– Здравствуйте, – сказал Гуров, – попросите Льва Ильича, пожалуйста.
– Здравствуйте, Лев Ильич занят, – ответил интеллигентный мужской голос. – Оставьте ваш телефон.

Значит, личный секретарь у Бунича прежний, полковник силился вспомнить, как зовут, не вспомнил и сказал:

– Вы, господин секретарь, трубочку не вешайте, передайте: звонит тезка из Москвы, который ранней весной беседовал с вашим шефом.

– Минуточку, Лев Иванович, – ответил секретарь, – соединяю.

– Добрый день, Лев Иванович, – вмешался в разговор Бунич. – Как погода в Москве, как здоровье?

– Спасибо, Лев Ильич, – рассмеялся сыщик. – Как ваше здоровье, что с погодой?

– Осень, то дождь, то солнышко, постоянно в нашей жизни только повышение цен и падение рубля. Вашим вниманием польщен, но не обрадован. Опять стрельба, трупы, аресты?

– Цены и рубли вас не интересуют, оскорбления я пропускаю как беспочвенные. Вас лично и ваших людей, господин Бунич, я пальцем не тронул.

– Господин полковник, вы не считаете меня наивным?

– Наивность – свидетельство не глупости, а чистоты души. – Эту фразу сыщик где-то вычитал и часто употреблял.

– Спасибо за комплимент, перейдем к делу, – довольно резко сказал Бунич. – Вы не арестовали моих ребят с порошком в руках, не арестовали и считаете, что я вам должен. Так я с чистой душой заявляю: пошли вы к чертовой матери! Вы не арестовали близнят лишь потому, что вам было необходимо, чтобы груз проследовал до станции назначения, то есть до Рогового.

И этот боров арестован, вы своего добились, поздравляю! Я вам ничего не должен! Хотите просить – просите, только не как долг, а как услугу от человека малознакомого.

– Малознакомый человек, если сумеете остыть и чуть поумнеть, перезвоните. В течение двух часов я дома. – Гуров положил трубку.

Дитер лежал на диване, так увлекся О. Генри, что забыл, где находится. Гуров взглянул на парня с раздражением и сказал:

– Я сейчас буду мыть пол, вытирать пыль, в общем, заниматься уборкой, – и саркастически добавил: – Помощи не прошу, ты от мытья посуды чуть в обморок не упал.

Дитер резко сел, отложил книжку, спросил:

– Почему вы все время меня обижаете?

– Извини! Я не тебя обижаю, а не хочу мыть пол! Понятно?

– Нет. Надо нанять женщину, которая приходила бы и убирала квартиру.

– Если я буду платить уборщице, то спрашивается, что я жрать буду?

– Понятно. Ваша страна – ваша жизнь, мыть, тереть будем вместе. – Дитер поднялся, начал раздеваться. – У меня есть рабочий комбинезон. Давай порошки, щетки, шампунь, чего там надо.

Естественно, что у сыщика мало чего было, но мужики были здоровые, квартира маленькой, и через два часа сопенья, поминанья черта на немецком и большого количества слов на русском уборка закончилась.

В разгар работы заскочил Боря Вакуров, взял марки, кейс, взглянул ошалело на полууголого, грязного полковника и смылся.

Самую чистую квартиру можно продолжать вылизывать и самую грязную даже не подметать. Квартира полковника находилась в нормальном для России состоянии, а для жилья холостяка так просто люкс. Уборку Гуров затеял, чтобы отвлечься, не смотреть на часы в ожидании звонка Бунича. К тому же сыщик заметил, как вчера гость мазнул по серванту пальцем и поморщился. Значит, вы, немцы, чистолюты, а мы, русские, слов не найти? Так на тебе, узнай, что почем и сколько стоит! Порошки, шампуни, щетки? А на четвереньках, простым мылом и тряпкой, тебе плохо будет? Гуров работал босиком, в закатанных под колени тренировочных штанах, без рубашки. Дитер поглядывал на русского полковника, на его мускулистый, без лишней жиринки торс, на пулевое ранение под лопаткой и думал о том, что ему, молодому инспектору, повезло, русский, как и говорили, человек нестандартный, настоящий сыщик высшего класса. Кроме того, Дитер чувствовал, что, несмотря на резкость, внешнюю грубость, русский относится к нему, молодому коллеге, хорошо, с искренней симпатией, хотя и несколько снисходительно. Хотя инспектор неоднократно слышал, что русские живут бедно, но машина и квартира полковника полиции, занимавшего в главном управлении министерства большую должность, то, что полковник вынужден сам мыть пол убогой квартиры, а в холодильнике у него нет элементарной еды, потрясло молодого немца. Какого черта работать, рискуя жизнью, как поддерживать великолепную физическую форму, если ты не можешь даже поесть нормально?

Они приняли душ, парадно оделись. Дитер сразу отметил, что и костюм, и галстук полковника изготовлены в Германии, только очень давно, лет семь-восемь назад, но сидели так ловко на литой, статной фигуре, что старомодность не бросалась в глаза, даже наоборот, подчеркивала индивидуальность человека, который одевается не как все, а как ему хочется.

Дитер еще не понял, что хозяин одевается не как ему хочется, а носит вещи, подаренные ему папой генералом, который служил много лет в ГДР, а ныне пенсионер и копает грядки на огороде. Немец еще многого не понимал, но у него будет возможность мало-мальски узнать, что почем в этой России.

Гуров взглянул на часы и зевнул, когда он нервничал, его, независимо от времени суток, начинало клонить в сон. «Бунич не позвонил, значит, я промахнулся, – думал сыщик и неиз-

вестно отчего вспомнил любимую книгу детства «Маугли». «Акела промахнулся! Акела промахнулся!» – кричали молодые волки. Что ж, я не в первый раз промахнулся», – рассудил Гуров, пожал плечами и закурил первую сигарету. Последнее время он ограничивал себя в куреве и спиртном. Всему виной эти чертовы американцы – что хотят, то и делают. Пили и курили, как все нормальные люди, а судя по фильмам, так и больше. И неожиданно сказали: «О'кей, ребята, нужна здоровая нация». Сегодня курить в Америке неприлично, курят и пьют только люди второго сорта.

Сыщик жил в России, но не желал признавать, что у кого-то, хоть в Америке, хоть в Антарктиде, характер и воля тверже, чем у него, Льва Гурова.

Явился Боря Вакуров, бросил на диван кейс и сказал:

– Полтора миллиона, Лев Иванович, купюры, как вы и приказали, разные, но не мельче четвертака.

– Спасибо, Боря. – Гуров хлопнул оперативника по плечу, снял трубку зазвонившего телефона: – Слушаю.

– Извините, господин полковник, задержка получилась – потеряли ваш телефон, – сказал Бунич. – Так на чем мы остановились?

– Пустяки, Лев Ильич, случается, – ответил Гуров и махнул на Дитера и Вакурова рукой, мол, выметайтесь и прикройте за собой дверь. – Я, тетка, ваши последние фразы не расслышал. У вас в... – он назвал город, – позиции имеются?

– Кое-что найдем.

– Я туда собираюсь подскочить на несколько дней...

– Несчастные люди, – вздохнул Бунич.

– Это не ваши партнеры, вы же знаете мое направление, тетка.

– Атомная бомба не артиллерийский снаряд. У нас вы тоже имели направление, а я до сегодняшнего дня по зоне бегаю.

Ясно было, что Бунич, взвесив «за» и «против», выбрал худой мир, сдался, и теперь сыщику следует вести разговор в самом дружеском тоне.

– Брось, тетка, мы знаем цену друг другу, и, пока наши пути не пересекаются, аварии не произойдет. Мои поездки, как ты понимаешь, вызваны не тягой к перемене мест. Мне необходимо заскочить в этот город, а остановиться негде, да и с транспортом напряженка.

Бунич принял и тон, и обращение на «ты».

– Я этот вопрос решу, но меня интересует твоя легенда. Я же должен человеку объяснить, для кого, ради чего я прошу.

– Очень просто, – ответил Гуров. – Молодой коммерсант из Гамбурга. Дела немца тебя не интересуют, но ты бываешь в Германии, и парень – партнер твоего партнера, отказывать неразумно.

– Великолечно. – Чувствовалось, что Бунич улыбается. – Но ты не шибко молодой, не немец и не из Гамбурга.

– Тетка, обижаешь! – возмутился сыщик. – Будет натуральный молодой немец из Гамбурга.

– Тогда нет проблем, когда вы явитесь?

– Послезавтра, утренним рейсом, – ответил сыщик. – Завтра вечером мне надо знать адрес и все прочее.

– Я позвоню. В аэропорту вас встретят из конторы. Не обижайся, полковник, но ваши спецы могут прикатить на засвеченной тачке. А мне это абсолютно не нужно.

– Не обижаюсь, понимаю, приму меры, – сказал Гуров. – Есть еще момент, более деликатный. – Он вздохнул. – Если ты откажешь, я не только не обижусь, а приму как должное.

– Не играй и выкладывай.

Сыщик изложил свою просьбу, после короткой паузы коммерсант ответил отказом. Они пожелали друг другу всего наилучшего и расстались до завтрашнего вечера.

Глава 3

В чужом городе

Кончался сентябрь, погода в такое время в центральной части России непредсказуема. Сыщики вышли из здания аэровокзала, их встретили ветер, хмарь, грязь, которая исчезает в России только под снегом, и огромная мертвая голова, хотя и без кепки, но с характерным каменным прищуром.

Дитер, насмотревшись в Москве, в аэропорту, в самолете, уже ничему не удивлялся, воспринимал окружающий мир с философским равнодушием, спокойно спросил:

– Почему не убрали? – И кивнул на каменного идола.

– В нас много загадочного, парень. – Гуров оглянулся.

– Господа иностранцы, за десять долларов я вас отвезу на край света, – сказал парень лет тридцати, подбрасывая на ладони ключи и развязно улыбаясь.

– Доллары? – произнес Дитер с ужасным акцентом. – А дойчмарки можно?

Так произошел обмен паролями.

– Ну что с вами поделаешь? – ощерился парень, взял у Дитера один из чемоданов и зашагал к машине.

«Жигули» были такие грязные, что номер практически не проглядывался. Внутри машина оказалась чистая, ухоженная. Когда они отъехали от аэропорта на значительное расстояние, водитель свернул на проселок, повернулся, лицо у него было серьезное, глаза с хитринкой. Он взглянул на Гурова и сказал:

– Здравствуйте, Лев Иванович, вам поклон от Алексея Алексеевича. Я оперативный уполномоченный капитан Михеев. – И после небольшой паузы добавил: – Василий.

– Здравствуй, капитан, спасибо, что встретил. – Гуров достал сигарету, не закурил. – Квартиру приготовили?

– Есть один домишко, но, признаюсь, он мне не личит, – ответил капитан. – Может, на пару суток в гостиницу? Я постараюсь найти убежище понадежнее.

– Спасибо, Василий. – Сыщик смотрел на опера одобрительно: если человек сомневается, значит, думает, и назвал адрес, полученный от Бунича.

– Круто. – Капитан развернулся, выехал на шоссе. – Это обкомовская зона, хозяев разогнали, а зона осталась. Нас там ждут?

– Надеюсь. – Гуров все-таки закурил, приспустил окно. – Переговоры будет вести Дитер, я вроде носильщика, а ты водитель, лучше, чтобы твоего лица не видели.

– Чевой-то? Пусть смотрят. – Капитан сунул за щеки тампоны, глянув в зеркало, прилепил усы, надвинул на лоб беретку.

– Останемся живы – будешь майором, – сказал Гуров.

– А наш немец говорить умеет? – гундосо спросил оперативник.

– С пятого на десятое, – улыбнулся Гуров. – Его должны ждать, поймут.

Высокие железные ворота были на запоре, но лишь машина подкатила, как из будки выскочил мужчина с портупеей, подбежал не со стороны водителя, как обычно подходит охрана, а к задней правой дверце, словно знал, где именно сидит именитый гость, и сказал:

– Здравствуйте, к кому приехали?

Дитер держался великолепно, он приспустил стекло, наморщил лоб, шевельнул губами, словно репетируя ответ, и четко выговорил:

– Я есть Дитер Вольф. – И достал паспорт.

Человек в портупее паспорт не взял, лишь махнул рукой и побежал открывать ворота.

Коттеджи, виллы, называй как хочешь, похожие друг на друга если не как близнецы, то уж точно родные братья, двухэтажные, они просторно, но строгими рядами стояли вдоль центральной аллеи. Никаких заборов, все открыто, чисто, на виду, некий бытовой стриптиз – вот я такой голенький и чистенький, оглядывайте меня со всех сторон, мне скрывать нечего.

Капитан вел машину медленно, оглядываясь, – номенклатурный город был мертв, точнее, чуть жив, лишь в двух окнах мелькнул свет. На дорогу выскочил мужчина, без портупеи, но зато с ружьем, махнул рукой, приглашая сворачивать.

Когда остановились, сторож мгновенно сориентировался, кто главный, кто сопровождающий, и, отпирая Гурову дверь, зашипел:

– Позвонили – мы бы встретили. Что же вы гостя на такой машине... Стыдоба.

– Я не по этому делу, – улыбнулся Гуров, следуя за сторожем, который открывал двери, зажигал везде свет.

– Знаю я твое дело, у тебя на лбу написано, – бормотал страж и продолжал во весь голос: – Прошу, располагайтесь, белье утром застелили, все протерли, харч в холодильнике, машина заправлена, вот ключи. – И положил ключи на стол.

Дитер понял отведенную ему роль, расхаживал по комнатам, кивал, повторял:

– Хорошо, хорошо, – и сыпал на немецком.

Гуров взял стража за отворот кожаной куртки, посмотрел в глаза, понял, что человек, как говорят в народе, из органов, прикидывается под деревенского, бутафорит, держал плотно, взгляда не опускал, пока тот не осознал, что с приезжим промахнулся, и не заговорил на другом языке:

– Извините, дурная привычка.

– Свои люди, – миролюбиво сказал Гуров, отпустил стража. – Дайте мне ключи от ворот и, если у вас принято записывать время приезда и отъезда гостей, сделайте для нашей машины исключение. Наш водитель здесь задержится, поможет гостю устроиться, вы свободны.

– Извините. – Страж кивнул и исчез.

– Капитан, проверьте машину, ключи на столе. Дитер, ваша комната на втором этаже, идите устраивайтесь, – сказал сыщик и прошелся по первому этажу.

«Просто эпидемия какая-то», – думал он, оглядывая гостиную, обставленную стандартным гарнитуром, дорогим, полированным и мертвым, кухню в кафеле и никеле, ванную, вывезенную из Финляндии, обтянутый кожей кабинет, одна стена которого закрыта книжными шкафами. Полковник подозревал, что дверцы шкафов не открываются, но проверить было лень; он опустился в номенклатурное кресло, проверил три телефонных аппарата, откликнулся лишь один.

– Мы с тобой, приятель, разговаривать не будем. – Гуров положил трубку. – Потому как ты предатель. Ты не виноват, таким тебя создали люди.

– Разрешите? – В кабинет заглянул капитан. – «Волга» двадцать четыре десять, в отличном состоянии, бензин под пробку.

– Спасибо, заходи. – Гуров махнул капитану рукой, покосился на телефоны, качнул осуждающе головой, поднялся из-за стола, провел оперативника на кухню.

– Вы полагаете? – спросил капитан.

– Я не знаю, – ответил полковник. – Я смотрю на это жилище, – он оглянулся, – и думаю, Россию охватила эпидемия. Все, что удалось отобрать у бывших и еще не успели захватить нувориши, попало в руки наших с тобой неприятелей. За полтора года я третий раз живу в подобных приютах. И примечательно, никого нет, а услуга есть и ждет – завтра придут хозяева.

– Так вы поселились не по распоряжению руководства? – удивился капитан.

– Даже министр может дать команду только через твоего генерала. Полагаешь, Алексей Алексеевич распоряжается данным хозяйством?

Оперативник взглянул недоуменно, вздохнул и нерешительно покачал головой; понимая, что задает лишний вопрос, не удержался:

– Так кто же дал команду?

Сыщик ответил улыбкой и сказал:

– Моя задача войти в контакт с местными авторитетами. Меня не интересует рэкет, криминальные структуры торговли, нужны люди, руководящие боевиками.

– Наемные убийцы?

– Василий, ты приличный оперативник, учись сдержанности. Я тебе сказал столько, сколько считал нужным.

Капитан смутился, достал из кармана блокнот, ручку, перелистнул, несколько строк вычеркнул, подумал, черкнул еще, подвинул блокнот полковнику.

– Я приготовил, тут все, чем мы располагаем. Установочные данные, приметы, клички, окрас. – Он помолчал, не сдержался и добавил: – Лев Иванович, я много о вас слышал, но я человек самолюбивый, привык, чтобы мне доверяли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.